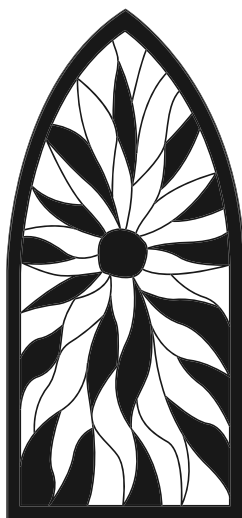

В СЕРИИ
«МИРЫ ЮЛИИ ОСТАПЕНКО»
ВЫШЛИ:

ДРАКОН И ЕГО РЫЦАРЬ
ПТИЦЕЛОВ
ТЕБЕ ДЕРЖАТЬ ОТВЕТ (В ДВУХ ТОМАХ)
ЖАЖДА СНЯЩИХ
ЗАЧЕМ НАМ ВРАГИ
ИГРЫ РЯДОМ
ЛЕГЕНДА О ЛЮДОВИКЕ
ЛЮТЫЙ ОСТРОВ
НЕНАВИСТЬ
СВЕТ В ЛАДОНЯХ

Юлия Остапенко

ТЕБЕ
ДЕРЖАТЬ
ОТВЕТ
||

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
О-76

Остапенко, Ю.

О-76 Тебе держать ответ 2 / Ю. Остапенко. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 434 с. — (Миры Юлии Остапенко).

ISBN 978-5-517-00822-0

Раз в поколение, волей богини Яноны, рождается Тот, Кто в ответе, человек, каждый — пусть и самый ничтожный — поступок которого оказывает огромное воздействие на мир Бертан.

Ныне жестокая милость Яноны избрала своей мишенью Адриана Эвентри — мальчишку из дикого клана, погрязшего в давней кровавой междоусобной распре.

Божественная шутка может дорого обойтись миллионам людей — если Адриан, оглушённый ужасом и чувством вины, не научится ежеминутно, ежесекундно делать правильный выбор...

Судьба клана — или судьба страны?

Подвиг — или преступление?

Люди — или боги?

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-00822-0

© Юлия Остапенко, текст, 2020
© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

Часть 6
ПАМЯТЬ ЗАМКА
ЭВЕНТРИ

ГЛАВА 1

людям достаточно хлеба и зрелищ, чтобы быть довольными, — мысленно рассуждал Эд. — Именно в таком порядке, но если есть хлеб, то характер и содержание зрелищ уже не столь важны. А если господин додумается совместить в одном действе подачку и представление, то... то получится, собственно, вот это».

Человеческое море волновалось и дрожало: возбуждение, любопытство и нетерпение валом прокатывались по нему, и на вершине этого вала белесой рябью подрагивал страх, зыбкий, как пена на гребнях волн. Людей собралось порядка полсотни, все они были крестьянами из деревеньки, видневшейся поодаль, у подножья холма. Деревенька называлась Дубовой Рощей, хотя никакой рощи в округе не было, а дуб имелся один-единственный, в пятистах шагах от селения — вот этот самый, к которому стекся сегодня простой люд, чтобы получить хлеба и зрелищ. Хлеб, впрочем, они уже получили — вернее, сохранили: вчерашняя битва, залившая кровью поле за холмом, поставила точку в междоусобной распре и окончила войну — по крайней мере, на некоторое время. Урожаю больше ничего не грозит, а это ли не повод для праздника?

И победитель великодушно устроил им этот праздник.

«А что касается зрелищ, — думал Эд, похлопывая по холке коня, взволнованного толчеей, и глядя на свисавшую с ветви дуба веревочную петлю, — то тут одно из двух: либо балаган, либо казнь. И если господин додумается совместить то и другое в одном действе...»

То получится, собственно, — вот это.

— Готов? — рявкнул низкий голос, и народ замер, затаив дыхание, вытягивая шеи, пытаясь рассмотреть. В полной тишине было слышно, как загудела тетива, как просвистела стрела, рассекая воздух, — и как глухо стукнулся наконечник в крепкий ствол дуба, двумя футами правее от болтающейся в воздухе пустой петли.

Впрочем, пустовать ей осталось недолго.

— Мимо! — хохотнул низкий голос.

Толпа выдохнула. Неудачливый стрелок опустил лук, уголки его рта подергивались от разочарования. Двое дюжих воинов в латах, покрытых пятнами крови и грязи после вчерашней битвы, схватили связанного человека, стоявшего у древесного ствола, и поволокли его к петле. Яблоко, до этого мгновения покоившееся на макушке пленника и служившее мишенью для стрелка, упало и покатилось по земле. Глашатай наклонился и подобрал его в тот самый миг, когда ноги осужденного оторвались от земли и судорожно задрывались в воздухе. Толпа глядела на это как завороженная — так, будто никогда прежде не видала повешенья.

— Следующий, — негромко сказал старик на высоком вороном жеребце — один из немногих конников в этой толпе. Другой всадник, по возрасту годящийся ему во внуки, махнул рукой в сторону шеренги пленников, топтавшихся у подножия дуба. Двое солдат, исполнявших обязанности палачей, выволокли новую жертву. Эта, впрочем, оказалась строптивой: пленник упирался, пытался вырваться. Когда его подтащили к дубу и, заставив выпрямиться, положили на темя яблоко, он злобно тряхнул головой, и яблоко снова исчезло в траве.

Глапатай вновь наклонился и выудил сочный зеленый плод из сорняка. Судя по всему, он уже привык это делать.

— Напоминаю, — зычно сказал он, — условия соревнования. Тот, кому удастся сбить мишень, получает осужденного в полное владение, со всеми потрохами и имуществом. По одной попытке на голову!

— Глянь, нет, ты глянь на его сапоги! — возбужденно прошипел кто-то совсем рядом с Эдом. Эд посмотрел на сапоги пленника, как раз поваленного наземь и избиваемого солдатами. Говоря по правде, на вид они не были так уж хороши, но крестьянам, большую часть жизни обходившимся деревянными башмаками, и впрямь должны были казаться завидным богатством. Мужики возбужденно перешептывались — многие из них наверняка отчаянно жалели о своем неумении натягивать тетиву, а те, кто умел, спорили между собой за право выиграть приз. У них была только одна попытка — на всех.

«Что же ты вырываешься, дурень, ведь это твой единственный шанс на спасение», — мысленно сказал Эд пленнику, который, получив заработанную порцию пинков, дергался уже не столь рьяно, но сдаваться все равно не собирался. Конечно, это было унижительно — к тому же существовал немаленький шанс не только на спасение, но и на возможность схлопотать стрелу в глаз. Меткостью жители Дубовой Рощи, как Эд уже успел заметить, не отличались.

Наконец пленник то ли осознал свое положение, то ли смирился с неизбежным. Яблоко водворили на его темени — большое, спелое яблоко, до которого от линии выстрела было всего тридцать шагов. Толпа наконец определилась с представителем, и к прочерченной на земле линии, нервно потирая ладони, вышел плюгавый мужичонка с хитрым лисьим личиком. Один из солдат подал ему лук, и по тому, как мужичонка принял его, Эд понял, что у бедолаги, застывшего сейчас возле ствола дуба, нет никакой надежды. Они были мужиками, эти стрелки. Большинство тех, кто сейчас стоял в путах и ждал своей участи, тоже были всего лишь мужиками, и вся вина их была в том, что они жили на

землях лордов, которые не делали различия между крестьянином и воином. Этих бедолаг, которых разыгрывали сейчас, будто медовых петушков на ярмарке, призвал к оружию их лорд — и теперь другой лорд, разбивший их господина в бою, потешался над ними. Это был балаган не для смердов, а для господ, хотя смерды о том не знали.

Как не знали они и о том, что даже для меткого охотника попасть в яблоко с тридцати шагов — трудная задача. Они об этом не думали. Они думали о сапогах.

Стрелок натянул тетиву, прищурил глаз. Пленник, забыв напроць об унижении, инстинктивно застыл, вытянувшись в струну, затаил дыхание, закрыл глаза. Один из конных воинов что-то сказал товарищу, тот расхохотался. Отведенный в сторону локоть стрелка дрогнул. Щелкнула тетива. Пленник еще мгновение стоял неподвижно, потом его ноги подкосились, и он медленно осел наземь. Оперение стрелы торчало из шеи, пробив горло навывлет. Яблоко на его темени держалось на удивление долго и соскользнуло лишь когда тело рухнуло в траву.

Толпа выдохнула. Старик на вороном коне поморщился. Его молодой соратник раздраженно сказал:

— Проклятье, что ж вы все тут такие мазилы?

— Будто ты еще вчера не имел случая в этом убедиться, — презрительно отозвался другой всадник, и оба расхохотались. Незадачливый стрелок опустил лук. Оружие у него тут же отобрали.

— А сапоги действительно были хороши, — серьезным тоном сказал ему глашатай и махнул палачам. Те оттащили труп в сторону. — Следующий!

Эд смотрел на них. Смотрел на крестьян, напуганных, возбужденных и алчных в равной мере, смотрел на пленников, уныло переступавших на залитой кровью земле. Один из них всхлипывал. Конные лорды — их было шестеро или семеро, не считая пеших воинов, выполнявших приказы и сдерживавших толпу, — гарцевали, переговариваясь, и лишь краем глаза поглядывали на представление. Действо длилось не первый час